

Глава 2.1

Служанки начинают свой день задолго до рассвета, когда небо лишь начинает сереть за окнами, а птицы ещё не проснулись. Экономка миссис Томпсон стоит перед выстроившимися в шеренгу девушками, её острый взгляд скользит по каждой, проверяя безупречность формы и причёсок.

— С приближением зимы пора начинать подготовку к сезону, — её голос звучит сухо и деловито. — Сегодня мы начнём с тщательной уборки помещений для прислуги.

По шеренге прокатился сдержанный стон.

— Ох, — простила Марша, заметно потирая плечо, — моя рука, которую я потянула на прошлой неделе, до сих пор толком не зажила. А тут снова тяжёлая работа...

— Не волнуйся, — успокоила её соседка, стрельнув глазами в сторону Луиса, — новая горничная за всех отдувается. Она же сильная.

— Новая горничная? — Марша округлила глаза. — Тот тощий паренёк?

— Ага. Луис его зовут. Представляешь? Щупленький, а силища недетская.

Луис, стоявший в конце шеренги и изо всех сил сдерживавший зевок, вдруг наострил уши, услышав своё имя.

— Луис? — фыркнула другая служанка, разглядывая его через плечо. — Да он же даже худее Марши!

Поперхнувшись воздухом, Луис закашлялся, чувствуя, как щёки заливают краска. По рядам прокатился смешок — Марша хохотала громче всех.

— Серьёзно! — сквозь смех выдохнула она. — Луис худее меня, а в прошлый раз так легко поднял ту огромную кастрюлю с рагу! Я еле до кухни допёрла, а он — раз! — и понёс, будто пушинку.

Смех не утихал — девушки наперебой вспоминали другие случаи, где проявлялась неожиданная сила нового "коллеги". Луис не знал, куда деваться от смущения, но где-то в груди теплело — они смеялись не зло, а удивлённо и дружелюбно.

Однако миссис Томпсон броила на них строгий взгляд.

— Тихо! — миссис Томпсон хлопнула в ладоши, и смех мгновенно стих. — Сегодня граф Гладстон будет в особняке весь день. Весь день, — повторила она с нажимом. — Поэтому прошу соблюдать абсолютную тишину и порядок.

Услышав это, Марша и окружавшие её служанки защебетали ещё оживлённее.

— О нет... — протянула одна из девушек, многозначительно глядя на Луиса. — Неужели Луис снова устроит нам представление?

— Давайте сегодня не будем доверять ему ничего хрупкого, — подхватила Марша, в голосе её слышалась скорее насмешливая забота. — А то опять всё перебьёт, а нам отдуваться.

Голова Луиса опускалась все ниже и ниже по мере того, как смех становился все громче.

Прошла неделя с тех пор, как он начал работать в особняке, а он все еще не привык к этим подколкам.

Несмотря на подшучивания, служанки относились к Луису довольно дружелюбно. Им нравилось, что он не сбежал после первых же дней, что он старается, что он, несмотря на свою худобу и неловкость, действительно силен и схватывает всё на лету.

Дни тянулись чередой открытий и ошибок. Служанки терпеливо отвечали на бесконечные вопросы Луиса об устройстве дворянского быта, о том, для чего нужна та или иная утварь, как правильно сервировать стол и почему в этой вазе не должно быть тех цветов. Они смеялись над его наивностью, но никогда не злились.

— Эта новая горничная всегда такая растяпа? — спросила как-то повариха, наблюдая, как Луис сосредоточенно пытается сложить салфетки особым способом.

— Да нет, — махнула рукой Марша, — обычно он довольно шустрый. Но чуть граф рядом — всё, пиши пропало. Словно его подменяют.

— Правда? — удивилась повариха. — Странно.

Луис, слышавший этот разговор, почувствовал, как щёки запылали алым, точно гранаты в саду. Это было несправедливо. Всю свою жизнь, работая чистильщиком на улицах, он славился спокойствием и твёрдой рукой. А здесь он действительно выполнял свои обязанности старательно и без ошибок... пока в поле зрения не появлялся он.

Была только одна причина, по которой он постоянно попадал в неприятности, и это был Эллиот.

— Ландыш...

Это случилось во время первого же ужина после его появления в особняке.

Эллиот сидел один за огромным столом, до блеска начищенным и сервированным с безупречной точностью. В руках он держал чашку с дымящимся чаем и тихо что-то бормотал.

— Простите, милорд?

Дмитрий, дворецкий, подававший черный чай, не сразу понял. Зато слова графа быстро понял Луи, который выносил белье из столовой. Сердце его пропустило удар. Потому что он сам чувствовал — тонкий, едва уловимый аромат ландыша, исходящий от его собственной кожи.

— Тот цветочный запах, о котором я упоминал ранее, — голос Эллиота звучал задумчиво, но в нём проскальзывали ледяные нотки. — Кажется, это ландыш.

— Ландыш, милорд? — Дмитрий принялся, но лишь недоумённо покачал головой. — Не ощущаю...

— Нет, — отрезал граф. — Я чувствую его отчётливо. Откуда он исходит?

Корзина с бельём, которую держал Луис, была нагружена так высоко, что почти закрывала обзор. И без того неустойчивая, она дрогнула в его внезапно ослабевших руках. Он сделал шаг назад, пытаясь скрыться, но нога зацепилась за край ковра.

Простыня, лежавшая на самом верху, скользнула вниз. Луис наступил на неё, пошатнулся, и корзина с грохотом опрокинулась, разметав по коридору белоснежное бельё.

— П-простите! — выдохнул он, чувствуя, что краснеет.

В столовой воцарилась тишина. Эллиот медленно повернул голову к дверному проёму, и его взгляд — острый, холодный, изучающий — упёрся в съёжившуюся фигурку в кружевном фартуке.

Луис замер, боясь дышать.

Он чувствует, — лихорадочно пульсировало в висках. — Я слышал, у доминантных альфа обострённые чувства, но чтобы настолько...

Дмитрий, тоже альфа, не уловил ни следа его запаха. Но граф... граф явно что-то подозревал. Каждый раз, оказываясь с Луисом в одной комнате, он хмурился, морщил нос и, казалось, принюхивался к воздуху, точно ищейка, взявшая след.

И каждый раз это заканчивалось катастрофой.

— О нет! Я сейчас всё уберу! — Луис бросался собирать осколки разбитой вазы.

— Извините! — он застывал столбом, когда стейк, который он нёс, соскальзывал с тарелки и шлёпался на пол.

— Ох... Что же мне делать...! — он в панике топтался вокруг рассыпанного угля, пока служанки за его спиной закатывали глаза и прятали улыбки.

Луис становился всё более робким и дёрганным. Стоило графу появиться в поле зрения, как руки начинали дрожать, мысли путаться, а ноги — заплетаться. Устрашающий взгляд Эллиота, когда он совершал очередную глупость, проникал под кожу и был слишком пугающим, и он даже являлся Луису во снах.

Вчера он умудрился опозориться, вообще ничего не неся в руках.

Днём, когда графа не было в особняке, миссис Томпсон поручила Луису развесить портреты и фотографии в длинном коридоре, соединяющем столовую с библиотекой.

— Вы же умеете пользоваться молотком? — спросила она, протягивая ему ящик с инструментами.

— Да, — кивнул Луис, с интересом разглядывая содержимое.

— Вот и славно. Видите отметки на стенах? Вбивайте гвозди туда и вешайте рамы в том порядке, в каком они разложены. — Она указала на ряд картин, прислонённых к стене. — Только аккуратно. Это фамильные ценности.

— Хорошо... — выдохнул Луис и замер от восхищения.

Особняк был для него совершенно новым миром, ведь до этого он знал только лесные хижины и приюты.

Казалось, здесь собрались все самые ценные и удивительные вещи мира: от посуды и керамики до камина и швейной машины.

Однако среди всех предметов, которые он видел за прошедшую неделю, портреты и фотографии, расставленные в коридоре, показались ему особенно ценными и красивыми.

— Ой, — вырвалось у него, когда взгляд упал на портрет маленького ребёнка. — А это кто?

Не в силах устоять перед любопытством, Луис указал на картинку с изображением маленького ребенка. Он ожидал, что миссис Томпсон сейчас отчитает его за глупый вопрос. Но экономка, к его удивлению, смягчилась лицом.

— Это граф, — ответила она тихо. — Ему тут около пяти лет.

— Это... граф? — Луис уставился на портрет, пытаясь совместить образ улыбчивого малыша с холодным, величественным мужчиной, перед которым трепетала вся прислуга. — Такой маленький...

Он осекся, почувствовав глупость своих слов. Конечно, у всех есть детство.

Вглядевшись внимательнее, он заметил, что ребёнок на портрете был так же красив, как и нынешний граф. Но глаза... В детских глазах светился мягкий, тёплый свет, которого Луис никогда не видел у Эллиота.

— Кажется, будто этот снимок был сделан совсем недавно... — голос миссис Томпсон дрогнул. — Это было прекрасное время. Когда мадам еще была жива.

Рядом с портретом юного графа висел прекрасный портрет женщины. С ее голубыми глазами и бледной кожей она, казалось, была матерью графа, которая покинула этот мир, когда графу не было и десяти лет.

Рядом висел портрет графа в возрасте около двадцати лет, на груди которого красовался фамильный герб. Выражение его лица было заметно мрачнее, чем на детском портрете. Справа находился самый свежий портрет графа, который, судя по всему, был нарисован недавно. Его лицо выглядело холодным и бесчувственным, как лед.

— ...Сейчас не время для пустых разговоров. Поторопитесь. Нам нужно закончить до возвращения графа. Это важные вещи, так что будьте осторожны, даже не думайте оставлять на них царапину.

Миссис Томпсон тряхнула головой, прогоняя нахлынувшие воспоминания, и вновь стала суровой экономкой. Строгая и требовательная, она цокала языком всякий раз, когда Луис совершал ошибку, и ее взгляд был почти таким же пугающим, как и у графа.

К счастью, Луис умел обращаться с молотком. Он не допустил ни одной ошибки, но работа продвигалась медленно — каждые несколько минут он ловил себя на том, что застывает перед очередным портретом, разглядывая его.

Взгляд его снова и снова возвращался к графу. Вернее, к трём разным графам на трёх разных портретах. Было в этом зрелище что-то щемящее — видеть, как прекрасный жизнерадостный ребенок постепенно теряет свою живость и выразительность.

Когда он вешал последний, самый новый портрет, он задержался перед ним дольше всего. Возможно, на настоящего графа нельзя было осмелиться так пристально смотреть, или же дело было в том, что его лицо, такое аккуратное и бесстрастное, словно скульптура, завораживало.

<http://bllate.org/book/15007/1580432>